

Григорий СТАРИКОВСКИЙ

Григорий Стариковский родился (1971) и вырос в Москве. В США с 1992 года. Закончил Колумбийский университет (кафедра классической филологии). Переводил «Одиссею» (песни 9-12), Пиндара, Вергилия, Проперция, Авла Персия. Сборники стихов «Левиты и певцы» (2013) и «Автономный источник» (2017). Живет в пригороде Нью-Йорка. Преподает латынь и мифологию. В «Волге» публиковались стихи (2014, 2016, 2017) и повести (в том числе под псевдонимом Герман Бер: 2015, 2016). Предыдущая публикация в «Волге» – «Плоскогорье: боливийский дневник» (2018, № 1-2).

РОДЕО

Повесть

*But this world also that seems to us a thing of
stone and flower and blood is not a thing at
all but is a tale.*

Cormac McCarthy. The Crossing¹

1

по четвергам работают на огородах. штанины закатывают до колен, оголенный живот обвязывают рубашкой; рукава раскачиваются, соединяясь в безруком пожатии. жарко, душно. пот облепляет спины; на туловище вырастают капли, как прозрачные насекомые. любимая поза: ноги на ширине плеч, в легком наклоне упираются грудью в резиновую шишечку на черенке лопаты; упор по центру между сосками. лопата устойчива, выполняет функцию дополнительной ноги. копнут два-три раза, покромсают земляной ком, устраивают передышку. в этот раз работали, как обычно, после завтрака. один сказал: *жара сучья, октябрь еще называется. хоть бы воды глотнуть*. остальные согласились: *да, воды бы*. послали за водой. вода из колонки с железным привкусом. пили по очереди, сначала главный, медленно, основательно, обтирая пухлые губы запястьем. варгас выпил последнее, что осталось.

главный подошел к варгасу и спросил: *ты вроде в прошлый раз был в паре с лопоухим. не знаешь, где он?* варгас, отвлеченный от вскапывания, распрямился, ответил: утром видел его в столовой... варгас рассеянно огляделся. надзиратель подъехал на холеной кобыле, в седельном чехле блестел приклад карабина.

– *эй, у вас одного не хватает... куда он пропал?*

главный пожал плечами:

– *я что, сторож ему или нюшка его?*

остальные осклабились, представив, что они – нюшки лопоухого, зайчики из душевой. лопоухий в их группе был чем-то вроде плевательницы, мишенью-бычий-глаз. *эй, пойди сюда, башка-два-локатора*. главный звал его *дамбо*, другие – *коала*, хоть был лопоухий шупл и длинен, как собачий глист. надзиратель прогалопировал метров

¹ Но этот мир, который представляется нам сделанным из камня, из цветов и из крови, вовсе не сделан, а рассказан. Кормак Маккарти. За чертой.

двести до аппарата экстренной связи. позвонил, не слезая с седла. варгас видел, как стремительно он возвращался, подгоняя кобылу, как сливался с ней в неделимое целое. он осадил её вблизи огородов и крикнул: *быстро в шеренгу!* группа лениво построилась. надзиратель просмотрел список, пересчитал присутствующих. *в медпункте его нет*, – объявил он нехотя, почесывая в затылке.

в прошлый четверг варгас работал с лопухом, вернее, варгас мельчил комковатый краснозем, а лопухий стоял рядом и разглагольствовал. полупрозрачные хрящики ушей, выпиравших под прямым углом, мерцали на солнце, как две золотистые рыбки. на склонах холмов яркой, еще летней зеленью наливался лес, деревья вздрагивали от порывов ветра. река стояла свинцовой излучиной, затвердевая по ходу течения. баржа на середине фарватера, казалось, завязла как муха в тарелке с патокой. вышки над заграждениями пахли сосновой доской. охранники в солнцезащитных очках и синих бейсболках несли службу, сжимая снайперские винтовки.

– *мы здесь, как рабы на плантациях*, – сказал лопухий и многозначительно взглянул на варгаса, – *как будто мы меньше людей... я не останусь здесь, я убегу, варгас*.

– не сбежишь, пристрелят, как зайца, или волкодав перегрызет горло. тут всё как на ладони. место ровное, проволока подсвечивается ночью... никуда ты отсюда не денешься.

– *зачем мне лес*, – пришептывал лопухий, наклоняясь к варгасу, опуская голову на его плечо, – *легче уйти рекой*.

– ты спятил, лопухий, тебя же гаторы сожрут.

– *не сожрут, не бойся*.

– мне все равно, сожрут или нет.

варгас продолжил дробить земляные комья... лопухий тоже сделал вид, что занят делом. рядом загарцевал надзиратель: *что, лопухий, опять халтуришь?*

теперь варгас стоял, упираясь грудью в черенок лопаты, и ждал, что будет дальше. надзиратель спрыгнул на землю и вразвалку, неуклюже затрусил навстречу начальнику тюрьмы эдварду кейну. тот решительным шагом направлялся к огородам. на кейне была тонкая бежевая рубашка и фиолетовый жилет с грудным карманом, из которого выглядывала серебристая авторучка. галстук в полосках и звездочках. аккуратно выглаженные летние брюки бирюзовой расцветки; кожаные в мелкую дырочку туфли, зауженные спереди. в уголке тонкогубого рта помещалась дамская папироска. надзиратель остановился перед ним и развел руками. кейн поморщился:

– *ну что, не нашли?*

– *нет, сэр, не нашли. прикажете дать сигнализацию?*

– *лайфер?*²

– *да, сэр, в этой группе все лайферы*.

– *сигнализацию не давать, мы и так его найдем. возьми одного на опознание*.

надзиратель ткнул пальцем в варгаса, – *пойдешь на опознание, когда все соберутся*.

– он что, умер? – спросил варгас.

– *если еще жив, умрет обязательно*, – мрачно ответил надзиратель.

приехали спецназовцы в черных комбинезонах. высыпали из фургона вальяжно, не без позерства, будто работали на публику. шлемы болтались на ременных петлях. один спецназовец держал немецкую овчарку на эластичном поводке. овчарка легла на траву. равнодушно поглядывала на варгаса и пускала слюну. варгас посмотрел в ее

² *лайфер* (амер.) – осужденный на пожизненное заключение.

бессмысленные глаза и произнес: жарко тебе, псина хорошая? командир спецназовцев загадал загадку: *эй, мужики, знаете, зачем цыпленок переходил дорогу?* остальные молчали, их откормленные физиономии выражали смесь почтительности и отрешенности. командир ответил сам: *чтобы оказаться на той стороне.* подчиненные понимающе ухмыльнулись, овчарка оскалилась. *ну, что, ребята,* – начальник тюрьмы обратился к спецназовцам, вытянув папироску изо рта, – *соберем по косточкам, что осталось от мерзавца?* кейн обвел рукой огороды, кирпичный флигель, в котором хранится инвентарь, соседнюю конюшню, где содержат породистых жеребцов, приобретенных на весенней ярмарке. *всё, казалось бы, делаю для них,* – сетовал кейн, возводя очи в душное небо, – *господи, вразуми подонков.* веселой, гутаперчивой походкой он повел отряд к излучине. варгас замыкал шествие.

они двигались прогулочным шагом. овчарка бежала вровень со своим хозяином, поводок провисал в бездействии. обошли главные корпуса, направляясь к реке. проходили лугом, на котором пасется тюремное стадо. здесь не было ни коров, ни заключенных, обязанных присматривать за коровами. луг казался обширным. гладкая поверхность, заросшая травой по колено. совсем еще юный спецназовец произнес: *что-то не видно здесь охраны и проволоки, у вас вроде тюрьма строгого режима.* кейн остановился, повернулся вполщеки: *это я приказал снести вышки и вырвать к чертовой матери колючую проволоку... знаешь, зачем? не нужны они здесь.* кейн растопырил пятерню в сторону излучины.

чем ближе они подходили к реке, тем отчетливей варгас различал воду, загустелую на зное, жирные взлобья невысоких волн, которые медленно проскальзывали к берегу. казалось, река наморщивала серое лицо. противоположный берег подвисал в воздухе, насыщенный влагой. ничего нельзя было рассмотреть, кроме нескольких парящих строений и водонапорной башни, похожей на неочиненный карандаш. небо, дымчатое и трудное, оползнем входило в реку, не оставляя промежутка между собой и водой; справа, вдали, росли несколько высоких деревьев. птицы-стервятники кружили над отрядом, неторопливо барражировали, распластывая широкие крылья. по вторникам и субботам, ближе к вечеру, когда на двор тюремной скотобойни выносят неплотно закрытый чан, прилетят несколько птиц, сдвинут крышку, усядутся на ободу, как на ветке, и поклевывают лоскутья говядины на коровьих костях. черные с красным головы уродливы и высокомерны. варгас смотрел на траву, присвистывающую под ногами, и думал, что все-таки неплохо он устроился: вместо четырех углов камеры и фрамуги с видом на грязный песок волейбольной площадки – территория от леса до реки, и небо, небо, конечно.

река окружала их, горизонт проглатывался лоснящейся водой, и ничего не оставалось для взгляда, кроме разморенной серости. скоро они ступят на берег, он услышит плеск и увидит коряги, отшлифованные до костяной гладкости. прикоснется в воде, зачерпнет немного и омочит лицо, ощутит привкус береговой гнили. река текла вниз. в кустах гудели цикады. они спускались по отлогому склону, цепляясь за стволы и ветки низкорослых деревьев, чтобы не поскользнуться. деревья гнулись, стволы, испещренные желобками и ямками, согревали ладонь в касании. идущие впереди остановились возле тростников, закрывавших собой воду. кейн прошел немного вдоль реки и крикнул: *эй, сюда, здесь трава примята.* в проеме между тростниками они увидели заводь, выстланную тиной с черными прорехами воды. несколько гаторов выдвинули бугорчатые, склизкие головы со вздутыми немигающих глаз, как изношенные резиновые сапоги в потеках мягкой выпуклой грязи. спецназовец, хозяин

овчарки, свободной рукой сорвал свисающий с дерева клоч испанского мха, сжал полупрозрачное, как фата невесты, вещество, подмигнул варгасу: *мягкая штука, ничего лучше в природе нет, чтобы потереться*. последовал смех, похожий на кашель. тогда кейн указал на бревно, застрявшее в тростнике, неглубоко выдолбленное в середине; лопоухий мог бы расположить в углублении лишь свой костлявый зад, ноги пришлось бы держать в воде.

овчарка вскинулась и рванулась прочь. спецназовец выбросил испанский мох и ухватился за поводок двумя руками: *куда ты, бестия, рвешься?* кейн сказал: *тут из гаторов можно понтон выложить до того берега. кажется, сожрали мерзавца*. варгас подумал, что ноги и руки, и всё остальное, из чего состоял лопоухий, теперь упаковано в гаторском животе, и не в одном, наверное. *всё ясно*, – продолжил кейн, – *мы его уже не найдем, если только не захотим выпотрошить несколько этих монстров. есть желающие?* – он оглядел группу, сплюнул, бросил окурок в воду и повел отряд обратно к корпусам, по притоптанной траве. овчарка снова залаяла и натянула поводок. спецназовец со вздохом отпустил ее (*давай, вперед, может, найдешь чего*). овчарка понеслась вверх по склону; поводок скользил, извиваясь. спецназовец помедлил немного и побежал за собакой. скоро они скрылись из вида. когда остальные поднялись на выпас, неподалеку заметили огромный вяз. оттуда доносился собачий лай. варгас подошел ближе и увидел овчарку, которая прыгала возле дерева. спецназовец прыгал вместе с ней, пытаясь ее урезонить: *сидеть... загрызешь его*. лопоухий лежал, привалившись к стволу, и скулил; из бедра текла кровь, плотные арестантские штаны висели ключьями. тщедушное тело дрожало. он защищался тонкими руками, скрещенными возле лица. овчарка – теперь она была на поводке – норовила схватить его за икру или за колено. кейн приблизился к дереву, засунул руки в карманы тщательно выглаженных летних брюк и скорежил тонкие губы в кривую улыбочку.

2

заведующий тюремным хозяйством дефорет инструктировал варгаса: *ты в корпусах с кровью работаешь или с говном, а здесь*, – объяснял, будто пел песню, остроносый потомок гугенотов, – *чистота должна быть. видишь, как все блестит, тут даже дверные ручки сияют, издали посмотришь на такую, кажется, лампочка светит. если хочешь зацепиться, – не будь дураком, усердствуй, друг мой, и тогда кейн для тебя сделает хорошее что-нибудь, свиданием наградит или позволит прокатиться на мустанге...* для тебя это, – сказал дефорет, обводя рукой кабинет кейна, – *святая святых, скиния завета, твое дело благоговеть и усердствовать. приходится будешь раз в неделю, когда закончишь мытье полов в корпусах.... парень, который до тебя здесь работал, запах въедливый от него оставался, кейн жаловался: чем это у меня пахнет, как будто обмочился кто-то. я его спросил: парень, ты хоть раз в своей несчастной жизни в душ заглядывал?* он отвечает: *не люблю я воду, в детстве чуть не утонул в ванне, мать еле вытащила. я говорю ему: ты, парень, знаешь, что такое дезодорант?* натрись с головы до ног. ну, натерся, а кейн опять жалуется: – *дефорет, что это ты ботанический сад тут развел?* парень был неплохой, пришлось уволить, теперь за псами присматривает... в общем, слушай внимательно: перед уборкой идешь в медпункт; мочалку, полотенце и сменку берешь с собой. тщательно моешься в душевой, всё тело; куда мочалкой залезешь, то и моешь, одеваешься в чистое, как в церковь. руки моешь отдельно: у медсестры в коробке возле стеклянной двери ящичек с губками; берешь одну, медленно проводишь по рукам, от кончиков

пальцев до локтей, с внешней стороны и с внутренней, не забудь между пальцами поскоблить и под ногтями; нальешь воды в ведро, возьмешь швабру. надзиратель проводит тебя в кабинет кейна. полы моешь так: смачиваешь швабру в теплой воде, делаешь влажную уборку, вытираешь паркет насухо; особой тряпочкой – стол и кресла, и бюстик на столе, стеклянные дверцы шкафов и трофеи, они на специальной стойке; каждый протираешь отдельно. не забудь дверные ручки, до блеска. кейн любит, чтобы вокруг сияло. ангола, говорит, исключительное заведение, других таких нет, ко мне приезжают со всей страны, мой кабинет – это, так сказать, парадный вход в нашу обитель... вопросы есть?

кресло с мягкой начинкой; высокие, как бы надувные, подлокотники. кейн сидит удобно, всей своей фигурой показывая, что ему приятно сидеть. курит папироски, коричневые и тонкие; дымок сочится сквозь щелку тонкогубого рта. между несколькими затяжками кладет папироску рдеющим, тающим краем в пепельницу, отпивает кока-колы; прищуривается от удовольствия, которое доставляет сменный ритм затяжек и отпивания. пустые жестянки кидает в картонный ящик. снова затягивается. слегка замедляет дыхание. так дышит человек, который любит себя во всех своих проявлениях. рубашка и жилет облегают плотное туловище, подчеркивая телесную спелость. иногда он приходит в шортах, тогда варгас видит его короткие ножки поросячьего цвета (*тело должно хоть немного дышать*, – любит повторять кейн). на столе опрятность и чистота, ничего лишнего; слева небольшой компьютер, на экране – тропическая зелень и тень какого-то животного. справа стоят несколько стеклянных баночек с яблочным пюре. после выкуренной папироски, в перерыве между жестянками кока-колы, кейн открывает баночку, зачерпывает немного пюре чайной ложечкой с вензельком анголы; втягивает ртом, подчищая верхней губой, медленно проглатывает. методично съедает всё, до стеклянного блеска. когда баночка пустеет, отодвигает ее от себя.

если баночка опорожнена, надо приблизиться и, не мешая кейну, даже, если возможно, не попадаясь ему на глаза, схватить ее быстрым движением. варгас нервничает. рука, хватающая баночку, дрожит. кейн читает газету, скашивает глаза на варгаса: *как тебя зовут?* варгас сообщает кейну свое имя. кейн кивает: *хорошо, хорошо*. потом спрашивает:

– *ты в бога веришь?*

варгасу сказали, что на этот вопрос следует отвечать утвердительно. он говорит не задумываясь:

– конечно, верю.

– *а в церковь ходишь?*

– да, обязательно, на воскресную службу, в октябре – по субботам, из-за родео.

– *какое место в священном писании тебе нравится в особенности?*

и на этот вопрос варгаса научили давать безупречный ответ.

– послание к римлянам, глава девятая, стих пятнадцатый.

иногда, предупредили варгаса, кейн просит процитировать любимый стих; к этому испытанию варгас тоже подготовлен. кейн кивает в такт своим мыслям.

– *как, говоришь, тебя звать?*

– варгас, сэр.

– *ну, продолжай, варгас.*

выпускает дымок ртом и немедленно втягивает ноздрями. нос крючковат и занозист. жадно втягивает, тонкие сужаются ноздри. туловище обмякает на выдохе, он

становится похож на сдувшийся воздушный шарик. кейн держит газету бесстрастно и настойчиво, будто отдает приказ всему, что там написано. газета похрустывает в руках. *эй, варгас, ты слышал, президент на библии клялся и соврал, гнать такого поганой метлой; с другой стороны,* – подхихикивает себе кейн, – *если гнать только за то, что он развлекся с этой чернявенькой, мне нужно уволить половину моих подчиненных, а где я других возьму? ты, если что,* – он принимает выразительную осанку, – *говори мне сразу, в обиду не дам.* варгаса научили: жаловаться нельзя, кейн не любит жалоб. глаза кейна серые с холодным блеском; кажется, на тебя смотрят пристально; на самом деле никуда не смотрят. кейн давно про себя решил, что он желает видеть и на что глядеть не собирается.

странная особенность взгляда... когда вычищают из печек золу, в тачках отвозят на огороды и жирным слоем сыплют на красноватую почву, а потом перекапывают и поливают водой с такой тщательностью, что не остается сухого места, тогда смесь земли и золы, посеревшая эта земля смотрит на варгаса таким же холодным скользким взглядом. лишь на папиросный дымок кейн смотрит ласково, прямо в глаза дымку. веки у кейна обветренные, ресницы выпцвели, их почти не видно. волосы, тоже выпцветшие, как подгнившая солома или февральская жухлая трава, зачесаны аккуратно на бок. смазаны кремом, поэтому хорошо пахнут и блестят на электрическом свете.

на правом краю стола небольшой бюст линкольна. варгас протирает его, от бронзовой копны волос до узкой, подстриженной бородки, придающей бюсту петушиный вид. президент-освободитель смотрит подслеповато, тоже, как кейн, не в глаза, а на лоб варгаса. варгас работает влажной тряпкой. кейн то и дело кладет левую руку на голову линкольна, будто хочет разворошить его волосы. от постоянных прикосновений кейна на бронзе образуются желтоватые залезы.

звонит телефон. кейн осторожно снимает трубку. жилетка и рубашка странным образом отстают от тела и напоминают парус в безветрие. прижимает трубку к левому уху, держит левой рукой, помогая правой ладонью (она собрана лодочкой), почти лепечет: *хеллоу... да, это я.* последние слова произносит старательно, как тетка варгаса, лусия, которая не умела говорить на английском связно и разборчиво, а в те слова, которые знала, вбивала весь пыл дурного произношения. некоторое время кейн молчит, внимательно слушает, потом вкрадчиво подхватывает нить беседы: *знаете, я ждал вашего звонка... да, конечно, вы понимаете меня прекрасно... мы еще не собрали, но стараемся... работают они...* кейн переводит взгляд на варгаса. тот протирает влажной тряпкой деревянные рамочки, в которые втиснуты грамоты, выданные кейну официальными и благотворительными организациями. в данный момент варгас разглядывает три золоченых креста на грамоте евангельского союза «путь истины» и делает вид, что ничего не слышит. *работают они недобросовестно, по-другому не могут... давайте немного подождем, дней через пять соберем и отправим...* кейн замолкает, щурится на телефонную трубку. *нет, обещаю вам, не испортится, переложим сеном, чтобы не сгнило, у нас никогда не гниет... ни одного плода... я сам спущусь и прослежу за погрузкой... да, в понедельник присылайте фуры... хорошо, хорошо... да, без дистрибьюторов и без лишних глаз, зачем нам лишние глаза... нет, здесь никто ничего...* он снова смотрит на варгаса. варгас занят делом, он не понимает значения сказанных слов... *они все равно что слепые, упакуят, погрузят и разойдутся... кому они скажут? сказать-то некому, мне если только... не пожалеете, что работаете со мной... да, жду транспорта, благодарю за звонок, –* произносит он вкрадчиво, почти нежно... *да, вот еще что... когда всё сделаете,*

позвоните моей жене, как мы договорились, она будет ждать вашего звонка... да, и вам тоже всего доброго... кейн говорит быстрее и уверенней. подождите-подождите.... чуть не забыл спросить: вы к нам в воскресенье собираетесь? вот хорошо, тогда и увидимся... родео будет такое, лучше не было никогда... кейн аккуратно возвращает трубку в исходное положение, как живое существо. записывает что-то в блокнот.

кейн выходит на залитое солнцем крыльцо административного корпуса. напяливает бежевую шляпу с широкими полями и отправляется осматривать огороды. варгас видит его сквозь оконный проем, продолжая наводить чистоту в кабинете. от обвального солнечного света рубашка кейна приобретает желтый оттенок, а жилетка темнеет. грузный кейн купается во влажном свете. лайферы кланяются и говорят «сэр». он приветливо отвечает. усмешка благодущия подрагивает на губах. он подходит к огуречным грядкам, останавливается возле группы, которой поручено прополоть несколько грядок. люди отлынивают от работы. кейн прикусывает нижнюю губу, наблюдает за ними молча, потом говорит: *привет, ребята! вы работаете как сонные тетери... помните, это – ваши огурцы, ваши витамины... вот ты, –* обратился он к маленькому кривоногому китайцу, *– разве так пропалывают? дай-ка сюда инструмент.* кейн берет тяпку, наклоняется, истребляет несколько сорняков под корень, мельчит землю. два темных потных пятна выступают возле лопаток. кейн достает платочек из кармана жилетки, стирает капли пота со лба и говорит китайцу: *ну что, понял, как надо? теперь ты попробуй, а я рядом постою, поаплодирую, чтобы работалось веселее. а ну, ребята, пусть этот цыпленок генерала цоя помашет инструментом, а вы похлопайте ему. итак, хлоп, и ты, пекинская утка, поднимаешь тяпочку, хлоп – срезаешь сорняк, срезаешь другой... землю любить надо, генерал мао.* кейн заливается смехом.

3

кровать – шесть бетонных блоков, высота два фута, угол между боковой стеной и стеной задней. сосед чистит гнилые зубы, сплевывает белое с красным. сгибает шею вниз и набок, ртом набирает воду из-под крана, мотает головой, похожий на лошадь после купания. опорожняет полость рта. вода тычется в оцинкованную раковину, как рука слепого. сосед заводит разговор: *перед судом отец послал тысячу долларов адвокатам, просил помочь, если смогут... потом вообще пропал... ни одного письма за восемь лет.* варгас молчит, смотрит себе под ноги. сосед продолжает: *один раз – я школу только закончил, поехали с приятелями в сан-франциско. машина сломалась в вайоминге, кажется, или в монтане. звоню ему с дороги, говорю: пришли, пожалуйста, денег. мне не деньги его нужны были. я просто хотел, чтобы он сказал «люблю» или «скучаю».* сосед спрашивает варгаса: *у тебя был отец, в смысле, в доме был?* варгас избегает разговора. тюремный репродуктор начинает вещать голосом кейна. транслируют утреннее приветствие: *для меня главное, чтобы вы нашли себе достойное применение, на полевых работах (свежий воздух, ветер с реки, мягкий солнечный свет), или в мастерских, где вы можете заработать немного денег и послать что-нибудь родным, или в новой церкви, которую специально для вас построили, или в клубах по интересам, или во время осеннего родео. только помните, что вы здесь – гости, уважайте наши порядки. мягкий солнечный свет гораздо полезней слезоточивого газа.* сосед предлагает кофе: *налить немного? понюхай только, какой аромат, – настоящий, бразильский.*

варгас не хочет слушать соседа, надевает наушники. включает плеер. песня как голоса двух человек, разговаривающих за стеной; можно вникнуть в смысл беседы, а можно впитывать убывание и наплыв голосов, не разбирая слов. вникнуть не получается. варгас подлаживается под мелодию, заискивает перед ней в ожидание, что она поведет его за собой. песня остается снаружи. варгас не понимает, почему, ведь все двери и окна открыты навстречу ее течению. музыка отталкивается от него, как муха, путающая стекло с воздухом, только здесь всё наоборот, песенный мотив отстраняет от себя прозрачность намерений варгаса. варгас снимает наушники.

что, послушал свою музыку? – спрашивает сосед. теперь он занят делом, сидит сгорбившись над раскладным хлипким столиком, ножичком вырезает шахматные фигурки; древесная стружка слетает на пол. сосед любит рассказать что-нибудь, в который раз повторить слышанное: ангола для меня теперь – вроде второго дома, а раньше я дерганый был, хамил, ввязывался в драки, как-то раз дал в морду надзирателю. меня обвязали цепями и в подвал, душу чуть не выбили, потом отволокли в корпус «д», к смертникам, заперли в клетке на краю коридора; там летом жарче, чем в долине смерти... август, зной, обливаюсь потом, гнию изнутри, как дерево на болоте, а тут кто-то фрамугу в коридоре открыл, не знаю, кто. думаю, вот, мол, есть все-таки бог, присмотрел за мной, не дал подохнуть. вижу, на край фрамуги садится птичка. свиристит залиvisto. я уже две недели в клетке, ни одной души не видел, сам себе отвратен, а тут птичка, сидит, поет. у меня как камень с сердца... надзиратель дежурный подходит к моей клетке, спрашивает, почему фрамуга открыта. говорю, сэр, воздуха нет совсем, гнию изнутри, не могу больше, позвольте немного подышать чистым. он не ответил даже, сорвался с места, подбежал к фрамуге и захлопнул, с жалиющим металлическим звуком. птички перья облепили стекло, кровь струилась гнутыми линиями. надзиратель повернулся ко мне, ослабил: вот тебе, мазафакер, свежий воздух в летнюю ночь, а у меня, говорит он, смена заканчивается через пять минут, приду домой, открою все окна, бабу свою – знаешь какая она у меня (показал жестами) – мать буду, а потом еще и еще, а ты подыхай тут.... мне тогда жалко стало убитой птицы, зачем она пела мне.

в октябре, по воскресеньям, когда гости съезжаются на родео, сосед продает шахматные наборы на тюремной ярмарке. варгас любит шахматы, не столько саму игру, сколько ее лакированных участников. он рассматривает фигурки, еще не покрытые лаком, пахнущие деревом. варгас берет их в руки, чувствует зазубрины на короне ферзя, ощупывает тонкие талии пешек. переворачивает их, сжимая двумя пальцами. поглаживает покатые конские морды. сосед вырезает башенку ладьи, она похожа на тюремную вышку, округла, с небольшим наростом. тихие фигурки, оживающие в гладкости, мертвеют на доске, когда чья-то рука передвигает их с места на место, подталкивая вперед, к другому краю, или проводит маневры, в ходе которых они исчезают одна за другой.

ладно, – говорит варгас, – мне пора на смену. работает он уборщиком, ходит по корпусам, метет, подтирает и моет. люди заговаривают с варгасом, рассказывают свое. смена начинается мытьем сортиров и душевых. мимо варгаса шествует надзиратель, распространяя вокруг себя мужественную, снисходительную вонь. надзиратели мочатся мимо, не специально, просто не попадают в узкий, низко поставленный писсуар. у варгаса не переводится работа. он наклоняется и разбирает подсохшие разводы, читает странные иероглифы: это – очерк лодки, она скособочилась, зачерпнула рыжих волн треснувшей кафельной плитки; вот – заводская труба, и дым

почти весь выдохся; вот – сохранившийся контур казенного ботинка с неровной подошвой, а вот и сама подошва, ее подробности – крестики-ромбики, как тюремное кладбище, где зарывают лайферов ровными рядами и ставят над ними каменные кресты. варгас вымачивает тряпку и стирает потеки.

желтое пластмассовое ведро на колесиках, с осклизлым утолщением по ободу, с самодельной проволочной дугой, вдетой в кошачьи ушки с обеих сторон, прихваченной валиком посередине (он прокручивается, когда пытаешься сжать его). пустое ведро раскачивается в руке, бьется по ноге, отскакивает и прочерчивает гнутую линию в воздухе, возвращается. подрагивает шаткая проволочная дуга, размывая сжатие. ведро он тащит в одной руке, в другой – швабру с *косичками*, короткими прядками из плотной ворсистой ткани. варгас поглядывает на швабру, влажные прядки прирастают одна к другой, или пританцовывают в такт его движениям, как змейки в разворошенной куче осенних листьев. варгас вступает в сумрак подсобки, прореженной мутным светом, льющимся сверху, от лампочки слабого накала. ведро издает глухой жалобный звук. варгас подходит к бетонной стене, из которой торчит ржавый хоботок крана, он ощущает резкий холод железа на уровне живота. варгас ставит ведро под кран, придерживает его ногой, чтобы не укатилось от напора воды. обжимает вентиль и пробует, поддастся ли, но вентиль туго закручен утренняя уборщицей. пальцы варгаса проскальзывают по маховику в форме цветка из пяти сросшихся лепестков с отверстиями посередине каждого. до бесчувствия ноет ладонь. варгас берет тряпку, влажную после уборки в надзирательском сортире; обматывает маховик, несколько раз быстро сгибает и разгибает пальцы, набирает побольше влажного воздуха в грудь. маховик издает свистящий звук и поворачивается. из ржавого хоботка появляются первые капли воды и глухими шлепками падают на дно ведра. капли сменяются тонкой, издающей хлорный запах струйкой. ведро отвечает влажным цоканьем, струйка превращается в нечто более связанное, плотное, в натянутую веревку ангольской воды. ведро отвечает шершавым, иногда шепелявым звуком. варгас вслушивается в напористость воды, вспоминает, как стояли они – он и мелисса – на набережной и смотрели на закат, и он сказал, что солнце начинается здесь и продолжается в мексике, а на следующий день пришел к ней в бассейн, и увидел ее в купальнике, в яркой резиновой шапочке, из-под которой выбивалось рыжие прядки, и улыбка ее тоже была прорезиненная, деланная. она сказала ему, что он – ужасно скучный тип, и отвернулась. он отправился на набережную. солнце садилось в залив сквозь облака, варгас смотрел на маслянистую воду и ненавидел эти облака и это солнце, похожее на ее купальную шапочку.

вода, осевшая в ведре, разговаривает с собой, льющейся из-под крана. мы все говорим с собой, думает варгас, потому что кому же еще говорить с нами; у каждого свои мысли, своя непонятная жизнь... постепенно ведро наполняется. брызги перелетают через край, несмотря на утолщенный, выгнутый обод. вода оплевывает бетонный пол, рваненькие кроссовки варгаса и брючины тюремных штанов. варгас держит ведро ногой, пока оно не наполнится на три четверти. он закручивает маховик, кран пустеет, несколько слезинок ложатся на пол. варгас осторожно откатывает ведро от стены. хлористые испарения щиплют глаза. он достает из фанерного шкафчика канистру с моющим санитарно-профилактическим средством, добавляет немного, на воде выступает пена. варгас наклоняется, одной рукой берет швабру, другой – проволочную дужку и тянет ведро за собой. ведро поддается и катится следом. поскрипывают колесики.

много работы в корпусе «д». смертники гадят нарочно: плюются, испражняются, бросают объедки. бывает, вешаются или перегрызают себе вены от безысходности; или хотят доказать, что у них тоже есть выбор. тогда вызывают тюремного доктора, который констатирует факт смерти или увечья, ставит подпись и уходит, довольный собой, насвистывая бойкое что-нибудь из оперы. тело уносят в тюремный госпиталь. варгас работает с тем, что остается после. варгасу нравится запах пролившейся жизни. он ничего не видел чище человеческой крови, ее запекающейся вязкости. он устраняет кровавые лужицы и выводит бурые родинки с бетонного пола.

сегодня он должен начать уборку с пристройки корпуса, почти всегда пустующей комнаты, похожей на больничную. дежурный напутствует: *вылижи дочиста, чтобы она тебе снилась*. у варгаса маленький праздник. он остается один в любимом помещении, проводит здесь полтора-два часа. комната с трех стенах, покрашенных в голубоватый цвет, специально подобранный; расцветка не раздражает, скорее успокаивает, *как свежего воздуха глоток*, по слову кейна. *смотришь, как дышишь*. не стена, а отлив горизонта; чем дольше смотришь, тем – дальше и дальше. кейн говорит: *необходимо создавать иллюзию покоя*. поэтому стены такие; лампы тоже, светят мягко, как бы с внутренним задымлением. сперва кейн хотел изобразить море и пальмы на песчаном берегу, как на экране компьютера, но потом передумал.

варгас вспоминает: лет пять или шесть назад он наводил чистоту в комнате, когда вдруг появились – ему показалось, ниоткуда, как сквозь стены – кейн и новый капеллан, поступивший в анголу после семинарии. молодой капеллан был полон розовых замыслов и говорил с апломбом юношеской убежденности. *господин кейн, –* наставлял он, *– комната эта – не пеленальная, тут вершится, так сказать, правосудие, осуществляется приговор. зачем солнце и пальмы этим, которых вы... подберите лучше спокойный колор, снижающий напряжение*. капеллан замолчал. варгас выжал набрякшие прядки швабры и взглянул на него. капеллан сайрил корчио имел овальное лицо, как в школьных учебниках геометрии, т.е. овал совершенный; толстые, чуть оттопыренные, обидчивые губы, будто он все время хотел поцеловать воздух, но тот не отвечал взаимностью. извивы маслянистых волос, зачесанных на левую сторону; между одной прядью, доходившей до очков с толстыми линзами без оправ, и соседней, отвесно падающей на ухо и на край щеки, на лбу мерцал лососевый треугольник кожи. шея была плотной, бычьей, округлой, как цветочный горшок. одет в черное: черная рубашка, черные чуть смятые брюки. на шее болтался черный шелковый шарфик.

корчио глубоко вздохнул и на одном дыхании вымолвил:

– *неужели всё будет происходить прямо здесь?*

– *что – всё?* – переспросил кейн, разминая дамскую папироску между указательным и большим пальцами.

– *то есть, –* уже без прежней уверенности произнес корчио, *– их будут убивать здесь?*

– *а мы их не убиваем, –* парировал кейн с напускной веселостью. острый нос кейна чуть покраснел, на щеках выступили багровые пятна.

– *как это не убиваете? что же вы тут с ними делаете?*

– *освобождаем от грязи, которая накопилась в их сердцах.*

варгас знает то, что знает о кейне каждый в анголе: примерно раз в месяц, часа в два ночи, он вкатывается в комнату, раздаривает рукопожатия: *доброй ночи, и тебе и тебе,*

а, вот он ты... готово? проверял? на тебя вся надежда, дорогуша, смотри, не подкачай. где техник? что-то не видно его. а, вот и он, хорошо, хорошо. все готовы, ну, везите клиента. рассказывают, что кейн подсаживается к смертнику. тот, привязанный к носилкам, чуть приподнимается, нервничает, потеет, хотя воздух в комнате охлажденный. кейн расторопно успокаивает лежащего, как сиделка – больного: *тебе лучше не нервничать, говорить не надо, ты молчи, думай о главном, о покое всей твоей жизни.* кейн поглаживает его руку как раз в том месте, куда через минуту введут иглу и пустят снотворное. *думай, – говорит кейн, – о долгом-долгом сне, который предстоит.* дуновение жизни останется с тобой навсегда, везде, где бы ты ни был. *есть чистая сила, которая прощает того, кто обращается к ней, она не держит зла.* помолись там за наши грешные души. кейн кивает технику, тот пинцетом выуживает проспиртованную ватку из спецпакета. Смертн ик чувствует острый запах спирта, влажное прикосновение ваты на сгибе своей руки, как будто у него должны взять кровь на анализ.

– *ты в бога веришь?* – поинтересовался кейн.

– *какое это имеет значение?!* – повысил голос корчио и почему-то указал на свою голову, как если бы этот жест являлся неоспоримым доказательством его служения.

– *значит, не веришь,* – осклабился кейн рыбьим ртом, раскатывая дамскую папироску перед потерявшим дар речи корчио.

– *как зовут-то тебя, капеллан корчио? напomini имя.*

– *имя – сайрил, сайрил корчио,* – растерянно ответил капеллан и добавил, вспыхнув, как девушка, – *как я могу в него не верить, если я – капеллан этой тюрьмы. неужели вы думаете...*

кейн перебил капеллана:

– *имя у тебя странное, сайрил, будто ты – зверек какой-то... у моего сына был африканский ежик. тоже сайрилом звали. три года прожил и сдох.*

– *что вы себе позволяете!* – запротестовал корчио и вскочил со стула. – *я подам жалобу в управление...*

кейн тоже встал и, как ни в чем не бывало, похлопал корчио по плечу:

– *а про пальмы ты верно заметил, зачем нам пальмы, тут и так рай на земле. ты коров моих видел? першеронов новых видел?*

побагровевший корчио рванулся из комнаты, прихватив свой портфельчик. краем шарфика зацепился за дверную ручку; дернулся и чуть не задохнулся, закашлялся хрипло и беспомощно, как ребенок. кейн, с папироской в зубах, подкатил к двери, распутал шарфик. *тебе воды попить бы в самый раз, капеллан.* протянул ему бутылочку «аквафины». капеллан приложился к горлышку, пил горячо и зычно; бросил пустую бутылочку в контейнер для медотходов и, еще раз пообещав жаловаться, выбежал. кейн, шумно вздохнув, закурил.

вместо четвертой стены – плексиглас, выводящий взгляд в небольшое помещение с несколькими рядами стульев; за ними закуток с пюпитрами для прессы, *чтобы они,* говорит кейн, *по свежим следам.* стекло тоже нужно помыть тщательно, до полной ясности, *чтобы людям с той стороны казалось, что они находятся с этой.* обманчивый плексиглас, как лоснящийся на мягком свете объектив. человек, который смотрит сквозь, с какой бы стороны не смотрел, сначала не понимает, видит ли собственное отражение или изнанку стекла. смотрящий спрашивает себя, почему, названный кейном на экзекуцию, он сидит на пластмассовом стуле и обдумывает репортаж, если – вот он, в белом халате натягивает резиновые перчатки по самый

локоть. с какой бы стороны он ни помещался, он – соучастник действия, даже если он – родственник или журналист; каждому отведена роль в происходящем.

варгас отодвигает штатив капельницы, колесики проскальзывают по влажному линолеуму. штатив подрагивает, начинает крениться. полиэтиленовая емкость, или подушечка – так называют ее здесь – ещё немного, и сорвется с крючка. серебристый ствол наклоняется низко. варгас подхватывает, сначала подушечку с раствором, потом – штатив с алюминиевыми козлиными ножками, на одном из которых и висит емкость с отводной трубкой, похожей на обрубленный проводок игрушечного телефона.

варгаса несет на гнущей волне памяти; он отчетливо вспоминает, как однажды, в детстве еще, родственники подарили ему и брату на рождество два телефона, связанных проводом. дядя луйс, мамин двоюродный, тыкал нестриженным ногтем в коробку и, коверкая слова, фиглярствовал: *соединяю вас, молодой человек, с луной. армстронг на проводе*. аппараты были красные, провод цвета яичного крема, которым мать прослаивала праздничные торты. когда застолье выдохлось, они с братом размотали провод, один потащил свой телефон на кухню, другой – в спальню, пока провод не натянулся до такой степени, что начинал тенькать, если к нему притронуться. братья переговаривались между собой. варгас спрашивал:

– ты чего видишь?

брат отвечал:

– *я вижу дерево в окне.*

– какое дерево?

– *обычный тополь, какое еще? а ты чего видишь?* – спрашивал брат.

варгас сквозь дверную щель видит дядю, маминого двоюродного. он поглаживает огромный, тыквообразный зад своей жены, тетки лусии. дядя нашептывет тетке пьяные глупости; лусия хохочет и отмахивается от него, как от мухи. варгас слышит дыхание брата как половину своего вдоха-выхода, будто без брата не может услышать себя целиком. так верх тополиного листа, сочно-зелёный, помнит о своём серебристом исподе.

варгас окунает швабру с кудельками в желтое ведро, где пенится вода, подкормленная моющим средством; выжимает над ведром и домывает пол, несет чистоту позади себя, как королевскую мантию. влажной тряпкой протирает плексиглас. каждой своей бородавкой, каждым клопным укусом впитывает тишину помещения. он не хочет расставаться с комнатой, тащить на плече швабру и везти ведро, чуть наклонясь, по кухне, длинному коридору в корпус «д», вдоль стен, затертых патокой желтого мела, мимо крошечных, с детский мизинец, камер наблюдения: из мониторинговой за варгасом присматривают охранники; ноги на столе, в руке чашка кофе со сливками, на бумажной тарелке бутерброд: два слипшихся, ноздреватых куска яичного хлеба, в середине – густые слои арахисового масла и клубничного джема. они дежурят по двое, и один говорит другому, дожевывая: *смотри, как он изогнулся весь, как волочит он свое ведро, гребаный клоун*. другой ухмыляется и тербит перхотные космы на затылке. варгас похож на горбатую старуху, которая тянет за собой тележку с продуктами, и никто не поможет ей.

камеры-клетки, вмурованные в бетонные стены. варгас ополаскивает грязноватый пол, размазывает воду. от пола к потолку тянутся прямоугольные столбы с пучеглазыми

заклепками. всеядный гул голосов и вещей. протяжное настойчивое как бы металлическое мычание. несколько клеточников стучат алюминиевыми чашками о прутья решетки, требуют дежурного надзирателя. варгас выплескивает остатки воды перед шестью крайними клетками. его окликают:

– *эй, варгас, подойди сюда. не узнал, что ли?*

– узнал, узнал, – успокаивает говорящего варгас и останавливается в трех шагах от клетки.

тощий негр с козлиной бородкой сидит на раскладном стульчике, боком к решетке, приблизив лицо к экрану телевизора с выпуклым монитором. он смотрит сериал и смеется мелким листованным шелестом, когда коротенькая юбка главной героини задирается; наружу выглядывают точеные девичьи ляжки. негр вскрикивает от восторга, произносит сбивчивым голосом, обмазывая слова похотью: *эй, варгас, ты бы прочил на неё?* негра зовут джузеппе; «джузеппе» – скорее кличка, чем настоящее имя. он ненадолго отвлекается от сериала:

– *я видел, как ты вышел оттуда. комнату, что ли, готовил? знаешь, для кого готовил?*

– знаю, – отвечает варгас. вчера в кабинете кейна варгас слышал радио-интервью с губернатором. когда того попросили отсрочить исполнение приговора, он ответил холодно, отчеканивая каждое слово: *я бы вернул веревку и мыло, лишь бы видеть, как этот тип* (он имел в виду джузеппе) *болтается на перекладине.*

– сам знаешь, – сказал варгас, – через три дня тебя убьют, а ты всё равно смотришь свой сериал, как будто *там* покажут продолжение.

– *может, и покажут... никто не знает, что будет там,* – ответил джузеппе и приник к экрану.

первые три месяца в анголе варгас провел с джузеппе. по утрам и перед сном джузеппе чувствовал прилив сладострастия. прикладывал женские трусики к физиономии, внюхивался, чуть ли не съедал их своим носом. распалялся и вводил свою набухшую плоть в бутылку с широким горлышком, обтянутым мягкой, слегка увлажненной материей. усердствовал последовательно и рьяно, пока не достигал разрядки. женщины волновали его. бутылку свою называл «кисулей». каждый вечер, перед тем как заснуть, говорил варгасу: *я бы даже бензоколонку трахнул.* джузеппе сидел за убийство. подозревали в тройном, но не было доказательств. потом увезли в город на дорасследование. он действительно зарезал троих – родителей и ребенка. увидел часы с камушками. вот, подумал, «лед» настоящий, деньги в руки текут. отца оставил лежать там, где убил, мать с ребенком закопал за гаражами. часы показал знакомому ювелиру-скупщику; тот говорит: *подделка это, продашь долларов за двадцать, если повезет.* он не поверил. оказалось, камушки стеклянные, а серебро рисованное. подарил подружке, а она говорит: *это же мужские, зачем они мне?* он ответил: *бери, бери, смотри, как сверкают камушки.* уговорил ее, взяла. потом они лежали вместе, и кровать постанывала под ними. она шептала ему в губы: *ну и шустрый же ты, головастик.* он гладил ее по спине и повторял навстречу: *потаскушка моя.* в дверь постучали. он натянул шорты на голые бедра и пошел открывать. на пороге стояли двое; они сразу спросили совпадающими голосами, как только оба втиснулись, как два сросшихся тела, в дверной проем.

– *это ты убил?*

– *нет,* – он помолчал и растянул губы в глупой улыбке, – *это кто-то другой.*

– *ладно, живи пока, мы только пальчики снимем...*

– *снимайте на здоровье, хоть пальчики ног.*

– нам только руки... да, вот еще, плюнь в пробирку.

– видишь, дерево наклеено?

джузеппе отвлекается на рекламную паузу. на столбе перед клеткой висит бумажное что-то.

– это я вырезал, сначала ствол, потом ветки, ветки зеленые, волнистые, склеил ствол и ветки, белые, вроде снежные. позвал надзирателя. эй, парень, можешь приладить всё это к столбу, будь братом.

тот пожал плечами:

– зачем тебе дерево в октябре?

– может, последний раз праздную...

покочевряжился, потом сдался, наклеил дерево. джузеппе нашел кусок красной бумаги, сделал звездочку. получилось похоже. на следующее дежурство охранник пришел с крепким «обезьяньим» скотчем, добавил украшения: две пары наручников, зажимы для ног и цепи.

– рождество в октябре, – улыбается джузеппе сквозь решетку, – мэрри кристмас, варгас.

в клетке наискосок, прильнув к жирным прутьям, стоит человек в очках. окликает варгаса: читаю много, а поговорить не с кем. его называют доктором, хотя никакой он не доктор, такой же клеточник, как остальные. я вот о чем всё время думаю, – у меня нет имени, оно раньше было, а теперь его нет. я – это мой приговор, номер клетки. я – больше не сын, не отец, я – дата, которая назначается и переназначается. я сросся со своим преступлением, но раскаяния не ощущаю. я – тяжесть себя самого, неумение быть, длиться в каждодневной рутине, тяжесть своего тела, которое больше не вмещает меня.

жизнь, конечно, можно наладить, где угодно, даже на луне. встаю рано, делаю зарядку, завариваю кофе, раскрываю книгу. хорошо, если интересная, чаще – трэш; трэш тоже читаю. потом рисую. лошадей рисую. мне кажется, что у меня есть психологическое сродство с ними. каждый, кто берет в руки мое письмо, видит лошадиную голову на конверте и сразу понимает, что письмо от меня. мне нравится, когда мне пишут. нравится помогать детям. у меня есть приятель, мальчик из огайо; я учу его рисовать комиксы. он нарисует что-нибудь и pošлет мне, а я посоветую, что он может сделать, чтобы улучшить рисунок.

водятся у нас «волчьи» пауки, мохнатые, глаза зеленые. поймал одного такого, посадил в банку рядом с тараканом. странное существо паук, побегает по банке, поймет, что оттуда не выбраться, начинает строить себе жилище, место для сна. поймал ещё одного и подсадил к первому. всегда интересно, как они выживают вместе. потом выпустил, пусть поползает по руке. я выставлял карандаш; паук пятился, защищаясь. для нас пауки – вроде собак, мы дружим с ними.

люди надоедают. отвратительные лица. сборище уродов. я принимаю душ одним из последних. сперва моюсь целиком, потом отхожу немного в сторону, набираю воду в горсти, оплескиваюсь, втираю воду в лицо, продолжаю, пока надзиратель не скажет – хватит, одевайся. душевая – единственное место, в котором чувствую себя свободным. иногда разговариваю с водой, – эй ты, водичка. мне кажется, я понимаю шепот воды. когда возвращаюсь в клетку, говорю себе: вот, все летучие мыши и медведи – по своим пещерам. прохожу мимо джузеппе и говорю: улыбнись, джузеппе,

покажи свои жемчужные зубы, хочу убедиться, что ты в самом деле существуешь. он огрызается: доктор, вставь клык в свой поганый рот... хотелось бы, чтобы всё наконец кончилось, чтобы назначили дату. это хоть какое-то прояснение, другое состояние. всем страшно, а я не боюсь, просто сложно представить себе, что приходит почта, а тебя нет.

сосед мой, – доктор показывает на левую стену, – сошел с ума. в соседней клетке варгас видит рыжего парня. он шатается от стены к стене, гнется туловищем, садится и встает, ложится и вспрыгивает. рваный ритм движений. он похож на подгнивший матрас, из которого выползла желтая, зассанная начинка. человек прикасается ко всему, к вырезкам из журналов (николь кидман, юная еще сюзан сарандон), наклеенным над раковиной, к чайничку прикасается, к стакану и ложечке, углу кровати, мятой, замызганной подушке, к своим щекам, шее, груди, как будто не знает, что он – это он, а не кто-то другой. на полу валяется половина кекса, которую он мозжит носком кроссовки.

когда его привезли, – продолжает доктор, – все время улыбался, будто чему-то радовался. братом называл. брат то, брат сё, делился сигаретами и кофе. вот, мол, качественное курево... попробуй, брат, этого шоколада, из дома прислали. настроение поднимает. однажды ночью постучал в стену. я спросонок говорю:

– что, брат, случилось?

– брат, перемолвиться надо.

я встал, подошел к решетке.

– говори, брат.

– брат, я скоро домой поеду.

терпеть не могу, когда говорят глупости. отвечаю:

– брат, расслабься, тебя отсюда вынесут вперед ногами в мусорном мешке.

– да нет, брат, я серьезно. посмотри, я уже сумку собрал.

я выставил зеркальце наружу, посмотрел... действительно, набил спортивную сумку вещами. утром потребовал дежурного надзирателя. приходит надзиратель, он говорит ему:

– сэр, меня скоро отправят домой.

тот даже не удивился.

– ты не переживай, мы разберемся. если должны отправить, так, значит, тому и быть.

когда дежурный ушел, он постучал в мою стенку и крикнул:

– видишь, я тебе говорил.

теперь уверяет, что в его унитазе живут зеленые человечки. иногда он с ними беседует: привет, привет, давно вас не было... ну, что нового? отвечает за них, меняет интонацию, словно он там действительно не один. тонким голоском сообщает последние известия: в балтиморском зоопарке родился львенок, назвали эдгаром; чикаго снова обагрился кровью, на городских перекрестках усилены полицейские патрули; в калифорнии горят леса, пожарники тушат пожары с вертолетов... или поет на несколько голосов. песню тянет все время одну и ту же. и тут человек за стеной запел, как по заказу: ведь это всего лишь бумажная луна, которая плывет над морем, сделанным из картона, но ты, конечно, не поверишь, что это все настоящее, если бы ты не верила в меня; это всего лишь полотняное небо плывет над муслиновым деревом, но все это не было бы настоящим, если бы ты не верила в меня; без твоей любви – это всего лишь мелодийка, которую наигрывает

радиола. доктор быстро надевает наушники. я сам сойду с ума, если еще раз услышу эту идиотскую песню.

пение прекращается. варгас снова заглядывает в соседнюю клетку. человек прижимает к задней стене пятерню с выпяченным большим пальцем и обводит ее белым мелком, старательно, как первоклассница. закончив, поворачивается к варгасу. варгас видит одутловатое, бледное, заросшее рыжей щетиной лицо, даже не лицо, а пустоту лица. человек кивает на изображение, похожее на скособоченную звезду, сгибает руки в локтях, двигает ими взад-вперед, подражая индюшачьему крику: *габбл-габбл-габбл*. варгас берет швабру и желтое ведро и уходит вглубь по коридору.

6

сначала варгас видит их головы, кисти рук и волейбольный мяч над хлипкой сеткой. потом – фигуры играющих, и других, которые подтягиваются, приседают, поднимают ноги в положении лежа, и третьих, которые сидят на скамейках по периметру площадки. варгас узнает знакомого лайфера; на левом запястье он носит браслет из змеиной кожи. высушенная змеиная головка подвешена к дешевому ожерелью, качается вместе с пластмассовой мишурой. змеи часто заползают на территорию и лежат, свернувшись, на грядках, пока не приходит дежурная группа с лопатами или мотыгами. они убивают змею; договариваются, кому достанется кожа, а через неделю запястья счастливца обхвачены бугорчатой змеиной кожей с коричнево-желтым отливом; или приятель из мастерской по дружбе pošьет прохладную на ощупь косметичку, подарок дочери или супруге.

в кармане синих арестантских штанов варгас носит полиэтиленовый пакет, плотный, из фирменного магазина, в котором мелисса принесла ему конфет и печений, когда навестила в первый и последний раз. сладости отобрали в коридоре: набросились, сбили с ног, выхватили пакет. варгас лепетнул, почувствовав острие заточки возле горла: *забирайте конфеты, только пакет оставьте...* когда подходит его очередь вскапывать, мотыжить, пропалывать или собирать овощи, надзиратели знают: варгас не расстанется с пакетом. только единственный раз лейтенант о'спайки закобенился во время досмотра.

они вышли из корпуса и построились. надзиратели, как положено, обыскали каждого с брезгливой тщательностью, с головы до ног, – карманы и все телесные отверстия. варгас разделся, повернулся к надзирателю спиной, расставил ноги пошире, нагнулся и через силу начал кашлять. надзиратель светил в отверстие серебристым фонариком, как за минуту до этого светил в раскрытый рот варгаса, из которого изливалась жгучая вонь. варгас перестал чистить зубы, когда мелисса – теплая, сладкая, распаренная, он понял это по её телефонному голосу сквозь помехи – сказала ему, что он ей больше не нужен. теперь, наконец, она нашла нормального человека, который будет жить с ней, а не гнить в анголе. надзиратель привычно ворчал: *ты бы хоть, сука, зубы почистил*.

дежурный офицер лейтенант о'спайки, бывший рейнджер, армейская разведка (*бывших рейнджеров не бывает*, напоминала наколка на запястье), сверлил варгаса детским пытливым взглядом. когда варгас натянул штаны, из левого кармана выпал пакет. надзиратель, который хорошо знал варгаса, крикнул: *подбери свой пакет*. лейтенант запротестовал, проведя рукой сверху вниз, отсекая любую попытку неповиновения: *по уставу анголы*, – мрачно сказал он, не сводя с варгаса детских пытливых глаз, –

параграф такой-то, статья такая-то, заключенный не имеет права носить в карманах посторонние вещи, то есть вообще ничего. варгас опустил на землю, заплакал от отчаяния и начал упрашивать бывшего рейнджера, прижимаясь правой щекой к начищенным офицерским ботинкам: ну что вам стоит, сэр, это всего лишь пакет полиэтиленовый, дорог как память, никогда не расстанусь с ним, сентиментальную имеет ценность. о'спайки почувствовал нечто, похожее на жалость, и взглянул на надзирателя. тот развел руками, *мол, стоит ли связываться с варгасом, этим куском дерьма?*

варгас любит змей из-за их странных привычек и удивительной окраски. на полевых работах трудится с особым усердием, чтобы увидеть змею первым, пока точеную змеиную головку не отсек кто-нибудь огородным инструментом. народ в группе ленивый (*будем еще спину гнуть, мы, блядь, не рабы... у нас тоже есть достоинство*, – объясняют они нерадение). пьют воду, разговаривают, отдыхают от несделанной работы. надзиратель с карабином разъезжает на откормленной лошади. варгас трудится без передышки. когда ему говорят *отдохни, варгас*, он отвечает: рано еще. нагибается над грядкой, вскапывает или окучивает.

он видит ее. она греется на солнце, уходя скольльзящей мудростью в обратную сторону своего стеклянного взгляда. несколько колец, одно поверх другого, мерцающих особым светом. варгас останавливается, отступает назад, чтобы не спугнуть змею. оборачивается, убеждается, что никто из группы на него не смотрит, а если и смотрит, то – вполвзгляда. берет пустой тазик, в который ссыпают сорняки, подкрадывается к змее, зачерпывает эмалированным бортиком, поджимая скользкую кожу налопатником мотыги. рывком вбрасывает всю ее радужность на дно. она течет по эмали, поднимает голову и шипит, угрожая варгасу. он говорит ей что-нибудь: «моя маленькая радуга» или «моя хорошая». любованье длится недолго. остальные видят: варгас, который всегда при деле, перестал работать и разговаривает как бы с самим собой. они, конечно, догадываются, с кем он говорит, и некоторые уже бегут в его сторону, размахивая мотыгами, как копьями, готовые к расправе. тогда варгас выхватывает пакет из кармана, наскоро распахивает его, как рот чудовищной рыбы. змея соскальзывает в пакет, крутится, клубится, будто задыхается в собственных кольцах. они кричат ему на бегу: *брось пакет, сволочь*. он срывается с места, бежит в сторону леса. они гонятся за ним. пожива совсем близко, надо только поравняться и выхватить. надзиратель скачет рядом, не вмешиваясь в погоню.

варгас уходит от одышливых преследователей. добегают до проволочных ограждений, выворачивает пакет наизнанку. змея вываливается и медленно, как бы нехотя, скрывается в кустарнике, с другой стороны проволоки. варгас обтряхивает пакет, будто проверяет, есть ли там кто еще; вытирает капельки пота со лба рукавом рубашки. остальные захлебываются, не достигнув проволоки; садятся в траву и сквозь тяжелое, гулкое дыхание проклинаят варгаса. он возвращается на огороды, к комковатой, теплой земле. когда заканчивает мотыжение или прополку, поднимает голову и видит всё сразу: излучину реки, холмы и лес, грядки, сады, конюшню, свинарник и хлев, гаражи, где начальство держит свои машины. варгасу кажется, что свобода – вот она перед ним, как на ладони. потом группа возвращается в корпус; их снова обыскивают, ведь бывает же, уходят ни с чем, а под занавес огородных работ – в кармане заточка, а в заднем проходе – промасленный пакетик с героином.

возле волейбольной площадки варгас задерживается, наблюдает за игрой. мяч подают медленно. подающий будто раздумывает, расставаться с мячом или нет, смотрит по сторонам, распыляя внимание. несколько раз мяч влетает в сетку, растягивает её, она дергается и дышит. покачиваются железные стойки. когда, наконец, мяч перемахивает через сетку, на другой стороне вбивают его под углом в воздух. возле сетки подпрыгивает человек и перебрасывает мяч, прихлопнув его ладонью. мяч, избегая соприкосновений с руками другой команды, зарывается в песок. человек, прихлопнувший мяч, переминается с ноги на ногу, будто не он ловко ударил по мячу, а кто-то другой.

люди на площадке стоят, отстраненные от самих себя. как стоят на похоронах, привыкая к отсутствию того, чье тело лежит в обитом мягкой тканью сосновом коробе; голова — сдувшийся мяч на белой подушечке. весь день — постепенность, накопляемость дня — возвращается сквозящей вестью, сделав несколько перелетов над волейбольной сеткой памяти. будто открыли потайную дверь и потеряли ключ... утром побреешься чисто, наденешь костюм, взглянешь на себя в зеркало. подумаешь, что еще нужно, — зонт не забыть, обещают грозу, вымокну весь. завязать шнурки на два узла, а то развяжутся, изваляются в грязи; трение ускользает из них. выходишь из дома медленно, смотришь вокруг, вот — воробей, состоящий из слипшейся пыли, сбивчивости тонкого голоса, собственной нечуткости к этому дню, вообще ко всем дням. надо же, думаешь, птица такая, назови ее воробей или другим именем. воробей клюет хлебные крошки; деревья стоят в ряд, вязы, акации, что у нас еще здесь растет. они топырят голые ветки. ветра нет, неба нет, жалости тоже нет. домой вернешься, отстояв под зонтом, выразив свои глубокие (сердечные, млечные) соболезнавания. переоденешься, посидишь немного, отдышишься от длиннот деланной скорби... ничего хорошего, мог бы жить еще, человеком был замечательным. лошадки с расчесанными гривами и гирляндами цветов, и повозка в гирляндах, и сосновый футляр, открытый наполовину, и он — в чужом пиджаке, первые три пуговицы на виду. голова, как мяч, на подушечке, смотрит всей своей слепотой вверх, а ты идешь следом, дышишь осторожно, как церковная мышь, и думаешь: а что у него на ногах, неужели босой, а штаны, может быть, он там лежит вообще без штанов, в семейных трусах в синий горошек. представишь себе всё это, и — легче становится, и хочется улыбнуться. вспоминаешь случайные слова *они с любовью смотрят на наши страдания*, и еще больше хочется вытянуть в стороны уголки губ, но нельзя быть таким дурачком, это же — горе, воробьиное горе, и тогда берешь квартирный ключ и надавливаешь под сустав большого пальца, чтобы не дай бог не скривить рот в ухмылке насчет штанов. вечером придет мелисса, и вы будете пить чай с мармеладом на кухне, и она закинет голову, пряди рыжих волос зашевелиятся, как живые. она скажет: *варгас, давай уедем куда-нибудь, возьмем напрокат трейлер и уедем, хоть в пустыню... налей мне виски, варгас*. ты забудешь всё, как будто не было этих медленных, вымеренных шагов и всхлипываний, и подумаешь, что на самом-то деле неважно, умер он или жив еще, да и вообще, причем здесь он. ты ответишь: о'кей, бейби, мой лакомый кусочек фруктового пирога, я готов хоть сейчас. сколько тебе налить, сладенькая? мелисса захмелеет и улыбнется. ты на руках отнесешь ее в спальню, разденешь. она укусит тебя, нет, не укусит, проведет зубами по краю твоей нижней губы. когда она хрипло и жалостливо начнет повторять твое имя, ты вспомнишь лошадей с расчесанными гривами и гирляндами полевых цветов, запах свежеструганной сосновой доски, и лицо, глядящее наверх, туда, где деревья топырят голые ветви, будто просят милостыни, и

он, лежащий в сосновом коробе, с подушечкой под головой, сейчас раскроет рот и скажет медленно, вслед твоим судорогам: *даже не проси, у меня для тебя ничего нет.*

7

варгас прибирается в холодильной комнате. пар идет изо рта, как одно бесконечно-застывшее эхо, дымчатая зыбь, мертвеющий шепот. варгас мерзнет, надевает брошенную кем-то ангольскую куртку, но она не греет. тогда он вспоминает запах сухих листьев, речного берега и гладких коряг, на которые выползают гаторы; запах сена в хранилище, оно продувается ветром. варгас слышит отрывку собственных слов; сквозняки холодильной слизывают фразы и память о них; в промерзшее окно варгас видит деревья, переклесты света и тени и помахивание тонких, гибких веточек. он вдруг чувствует себя сильным. вместо слов рождается в нем песенка. он хочет выйти наружу и рассмотреть солнце, вышептать свои слова, чтобы они дотянулись куда-нибудь.

он выходит из холодильной и слышит разговор двух лайферов. один говорит другому: *земля рассыплется в прах и уравнивает всех, лайфера и надзирателя.* варгас не думает о начале и конце, ведь прежде было не больше начала в вещах, чем теперь, и в начале тоже какой-нибудь лайфер в другой анголе поливал грядки из алюминиевой лейки или окучивал огороды, и так будет всегда, потому что мир настоян на лепестках похоти, как вечерний воздух. неотвязчива липкая тяга, мучительное желание размножить свою негромкую жизнь, продолжить породу сумерек. варгас – одинокая тварь со шваброй и ведром, в котором грязная вода пенится мыльной живостью.

варгас видит цветок и проходит мимо. память о нем выветривается, будто его вообще не было. завтра наткнется на тот же самый и скажет себе: боже мой, какой красавец; неужели я этого не замечал раньше? прежнюю жизнь он может упрятать под матрас, как старое письмо. мелисса умерла, говорит он себе каждый вечер перед сном, мелиссу сбила машина, она попала под поезд, в ее доме случилась утечка газа, и все погибли, даже тараканы и пауки. так повторяет он себе, пока сосед покрывает лаком шахматные фигурки. каждый вечер варгас убивает мелиссу. её больше нет, мелисса – пепел, мелисса – перемолотые кости, череп с раскрытым ртом. варгас, не сумев забыть, фантазирует: когда он выйдет, ведь бывает же, что выходят, купит розы, найдет её могилу, встанет над ней, оборвет лепестки и обсыпет землю; пусть она подавится *там*. по ночам варгасу снится другое: он держит её за руку, они идут по темнеющему городу. она говорит ему: *взгляни, как светятся фонари и окна домов, странное это время, когда красноватые холмы видны вдалеке, но всё настойчивей кажутся чужими автомобили и люди, сидящие в них, и город обрастает плюшевой тайной; когда толком не знаешь, что там коричневеет над тобой, подъемный кран или огромное распятие, потерявшее полруки.*

иногда в его снах она превращается в муху, мелисса-муха, и он пытается проглотить ее. мушиного было в ней много, бывают такие – тонкие, почти прозрачные, со вздернутым носом, жилки видны на руках. идешь рядом и спрашиваешь себя, – неужели она такая же как все? он боялся сломать ее тонкие руки, сухие косточки, поэтому держал осторожно, как взятое взаймы. мелисса говорила нараспев, будто с чужого голоса. пока она проговаривала какое-нибудь длинное слово, например, «не-

при-спо-со-блен-ная», он успевал поцеловать ее несколько раз в лоб, в кожу лба, тоже почти прозрачную, будто целовал хрупкую папиросную бумагу, и в переносицу, нежную горбинку, маленькую выпуклость под кожей. на ее губах вспыхивала улыбка, не принадлежавшая никому. солнце садилось, он протягивал руку в сторону заката: смотри, как красиво и далеко оно садится, наверное, в техасе или где-нибудь еще дальше. она смеялась и хватала его за воротник рубашки, и он не понимал, что, собственно говоря, смешного в том, что солнце убывает в залив, промасленный исчезновением дня, и он говорил ей осторожно: если ты веришь в бога... она не слушала, смеялась, тростинка-мелисса, легкая дудочка, и он спрашивал её снова: ты могла бы закрыть глаза и вообразить всё это? она отвечала: *я закрываю глаза и вижу бильярдный стол и слышу удар кия о слоновую выпуклость шара и шорох зеленого обивочного сукна*. варгас не умел объяснить себе, почему он тянется именно к ней, к ее ломкости, прозрачности, прохладе, зачем она нужна ему. он сравнивал ее с другими, которые ходят в юбочках; их бедра светятся сытостью, как вода залива. он провожал их плотоядным взглядом; следил за проходящими мимо телами, как если бы они были голые. в них, как чайный пакетик, настаивалась звериная теплота.

мелисса носила шортики с цветочками, маечки с розовыми единорогами, летящими над радугой в золотой россыпи звезд, красила волосы в жгуче-рыжий цвет и губы – в жгуче-алый, иногда приходила на свидание, одетая как мальчик, и он не сразу узнавал ее, а ещё эти танцы, на которые бегала через день. чувственные латиноамериканские танцы. варгас видел однажды, как в красном каскадном платье она кружилась с каким-то вертлявым типом вокруг пустого стула, как склоняла голову чуть набок, работала ножками.

в детстве мать брала варгаса за руку, и они шли в магазин. надо было ухватиться за правую, липкую ладонь, пахнущую смесью острой карибской приправы и посудомоечной жидкости. надо было держаться за правую, потому что при встрече с кошками, перебегающими улицу, мать останавливалась и совершала три плевка через левое плечо, вернее, не совсем через, как надо было бы, а в сторону, над плечом; её слюна была густа, тягуча, с частицами съеденного бутерброда (хлеб, колбаса, острый соус «табаско»). если варгас шел слева, она ненарочно окатывала его слюной; он отирался рукавами рубашки, и долго потом источал запах её бутербродов. варгас учился в старших классах, когда мать попала в больницу. он приходил к ней, она смотрела на него и не узнавала, т.е. делала вид, что не узнает, отворачивалась в сторону и плакала, а потом протягивала руку, и он не мог не взять ее, хоть и было противно, отвратительно даже сжимать тонкую, обтянутую желтой кожей убывающую жизнь. варгас не понимал, как память о чужом теле способна *так* ощущаться в твоём собственном, где-то глубоко внутри, до такой степени, что ты уже не принадлежишь себе в полной мере. варгас боялся чужих прикосновений и, когда кто-нибудь случайно похлопывал его по плечу или, сидя напротив, прикасался к колену, он мысленно вздрагивал; даже к рукопожатиям готовился заранее, привыкая к присутствию посторонней ладони в своей, опасаясь нечаянно навязанной себе воли другого тела.

с мелиссой он хотел быть рядом всегда, повторять сближения до бесконечности, прикасаться к ней, чтобы его руки наполнились ее фаянсовой хрупкостью. мелисса сумела вытеснить всю тлевшую в нем память о чужих людях. ее присутствие стало обязательным, как навязчивая мысль, которая жалит в висок или звенит бесшумным колокольцем. теперь, просыпаясь посреди ночи, он думает, как отомстит ей, если его все же выпустят, – он плеснет серной кислотой в ее мушиную мордочку, пусть всё

выгорит, лоб, нос, щеки, подбородок. останутся одни глаза. когда она подойдет к зеркалу взглянуть на изжеванную себя, там, в зеркале, она увидит его лицо, прямо смотрящее на нее.

8

в октябре собираются в тюремной церкви по субботам. на сцене появляется капеллан. у нас, – говорит он, – *традиция: каждую неделю один из братьев произносит речь на заданную тему*. сегодня очередь варгаса. он сбивчиво тасует индексные карточки, не может найти вступление. наконец отыскивает. зачитывает прерывисто, штрихпунктирным захлебыванием: душа – это сжатие воздуха, до тесноты. душа – это птица сова с глазами-блюдами; это подвальная мышь, которая скребется по ночам, это роба дорожных рабочих, световые полосы на рукавах и на спине. душа – это то, что съедает нас изнутри; без нее нам лучше, чем с ней. душа путешествует, перемещается, например, в мертвый вольфрамовый червячок лампочки, он рвется от напряжения; или она уходит в обмякший обрубок железа, опущенный в ледяную воду, он шипит от беспомощности и злости; мало ли где она может обитать. варгас заканчивает свою речь и покидает эстраду, пробирается к своему месту в зале. в спину летят рваные аплодисменты.

они смотрят вбок или на темную зелень ковролина. один взбудоражится, выдавит из себя несколько слов; другой говорит проворно, свободно скрепляет фразы, и лицо его разглаживается и красивеет: *господи, позволь нам уменьшить, чтобы ты увеличил. господи, прикоснись к нам, чтобы хватило веры принять всё по твоей воле, слава тебе, господи, аллилуйя; помоги нам, боже, надеть твои доспехи, чтобы побороть верещание плоти, сделай нас духом единым, сделай нас лучше, чем мы есть, закрой нас щитом твоей веры, напомни нам, что, даже если целый мир желает нашего падения, там, наверху, есть твои соглядатаи, они помогут нам стать как выводок волн, как звезды*. они говорят вместе и розно. зычные выкрики кривыми шпильями нарастают над общим гулом. голоса с горловой ржавчиной.

корчио спускается в зал, подходит к молящимся. его белоснежные зубы, как фотовспышка, прохватывают тусклость помещения. он здоровается со *славящими* и с другими, даже с теми, кто зашел сюда просто так, из любопытства. корчио останавливается в центре зала и опускает влажные веки. *мы принимаем тебя, господи, славословим тебя, превозносим тебя, любим тебя, пусть каждый, кто любит тебя, подарит тебе подношение волны*. тогда почти все начинают поднимать руки и раскачиваться, лишь сидящие сзади продолжают сидеть; они пришли сюда побыть в прохладе, источаемой кондиционером. *да проснется каждая душа от гибели, воспарит в небеса всепрощения*, – восклицает капеллан и подает знак музыкантам, и машет рукой *славящим*, чтобы те подхватили его слова: *мы поднимаемся в места вышние, мы поднимаемся в места вышние, чтобы раздавить царство дьявола*. голос капеллана похрустывает, как свежая оберточная бумага. *славящие* хлопают, пританцовывают в такт хлопкам. один из *славящих*, парень лет девятнадцати, высоко подпрыгивает, подгибая ноги; пятками он почти касается ягодич. *славящие* накатывают рефреном: *спешите, дети мои, спешите, настало время верить*. слова и телодвижения ускоряются, двое лайферов бегают кругами, следуя за циркулирующей голосом капеллана: *танцуйте, дети, танцуйте, настало время верить*. парень, который раньше подпрыгивал, отводит плечи назад и приседает низко, вытянув руки, как физкультурник. бегущие передвигаются скачками, в стороне кто-то сгибает-разгибает

пальцы на поднятых к потолку руках. *пойте, дети, пойте!* – теперь уже всюду вопит корчио. он хватается гитару, поет размашисто и сочно: *прикоснись к моим рукам, рту, сердцу, наполни мою жизнь, господи, каждую часть её*. корчио срastaется с песней; он спеленут ее набухающим смыслом: *я управляю царством дьявола, останься со мной сегодня вечером, останься со мной. мы не знаем, как молиться, но входим благодаря нашей крови*. седой негр, стоящий рядом с варгасом, притоптывает, завывает: *ядариба, яшида, о бадатимба, кимба, абинда, бинда, бинда, бинда...* *господи, войди в наше присутствие, о ядариба*. некоторые отворачиваются к стене, подняв ладони, будто хотят нащупать свои тени или размазать себя по пшеничному хлебу молитвы. седой негр баюкает голову на сгибе руки, напевает: *шастада кундо кундо по ли ри ри кундо кундо кундо*. хныкальщик, он просит что-то, жалобно и беспомощно, убывая в окончательное безмолвие.

корчио мотнул головой, и прядь, нависшая над правой бровью, ушла в сторону. он раскрывает тетрадку в кожаном переплете, читает проповедь: *некоторые из вас находятся в безвыходных, мертвых обстоятельствах, мертвых, мертвых*, – повторяет он, белоснежные зубы сверкают, – *даже хуже, чем мертвых, вы теперь в пещере, и это еще не всё, огромный камень привален к проему; вы не можете сдвинуть его, он лежит на ваших сердцах и давит, не дает выкарабкаться. камень мозжит вас; вы беспомощны, потому что вы мертвы. теперь всё, что вы должны сделать*, – его голос становится тонким, почти женским, на мгновение он превращается в учительницу подготовительного класса, рассказывающую детям, как правильно обращаться с безопасными ножницами, – *всё, что вам следует сделать*, – сказать «я верю», и ничего больше. некоторые смотрят на корчио с умилением, как влюбленные девочки, глазами страстного беспамятства. их фигуры костенеют в восторге. остальные скучают, не вникая в проповедь. глядят по сторонам, перешептываются, пощипывают или толкают друг друга, разглядывают свои физиономии в дешевых зеркальцах, оправленных конфетной фольгой. двое, сидящие сзади, дремлют под ровный гул кондиционера. две слюнные ниточки синхронно выползают у обоих из правого уголка губ, спускаются по краю подбородка, метят синие арестантские штаны.

славящие в глубине эстрады поднимают руки. корчио произносит: *расплата за грех – смерть*. он обращается к собравшимся и требует покаяния: *господь явил нам свою любовь, когда мы были грешниками*. голос его наливается, как плод на ветке. на щеках выступает румянец. *вы слышите меня? мы все пали, когда дух божий покинул адама в саду, мы все провалились в наши могилы*. корчио прерывает проповедь, спускается со сцены, мягкой звериной поступью идет в сторону дверей; там надзиратель в парадном кителе несет дежурство возле столика, на котором темнеет литровый термос со свежим кофе для капеллана. *сегодня*, – корчио подхватывает свою мысль, – *кому-то нездоровится*, – электрический орган заходится свистящим порывом, – *у кого-то болит внутри*. он приближается к лайферу, кладет ему руку на живот: – *я вызываю любой недуг на бой. бог хочет сделать вас сильнее; ваши мысли терзают вас, обновляясь поспешно, мысли повторяются и гложут; во имя господи я изгоняю эти мысли*. варгас думает о себе, мысли его легки, почти неощутимы. корчио останавливается возле варгаса: *если у тебя одна нога короче другой, помолись, и одна догонит другую*. нормальные у меня ноги, – думает варгас и улыбается широко и глупо, но вскоре его уносит в сторону общего гула. он выкрикивает вместе со всеми, запинаясь и проглатывая звуки: *миловани зависи неот жселающ, неот подвизающе, аот бог милующе... когохочет милуе, когохочет жсесточает. делие скажет*

лисделавшего: зачем т'меня так сделал? не власт лигоршоч над глино? вить богат славы своей над сосуда лосердия, котор он приготов к славе.

корчио подходит к столику, наливает кофе в пенопластовый стаканчик. ароматный пар поднимается над жидкостью, над толстым пенопластовым нимбом. воздух благоухает вокруг. корчио осторожно дышит на поверхность, пытается отпить немного. кофе горячий еще, обжигающий. корчио оставляет стаканчик возле термоса; дует на нижнюю губу, выпятив верхнюю. бычью шею капеллана обматывает черное шелковое кашне. бежевый вельветовый пиджачок, черная рубашка с запонками. галстук тоже черный. черные облегающие брюки, узкие туфли-лодочки. глазки корчио подпрыгивают вместе со знаками препинания в тетрадке, из которой он читает. стекла очков поблескивают. кожа на бычьей шее краснеет до густоты. корчио продолжает: *что-то скрипит над моей головой, открылись ворота в небе, они источают благовония...* варгас не слушает, отвлеченный навозной мухой, которая летает над теменем капеллана, пытаясь пристроиться на рдеющей проплешине. животик подрагивает под вельветом. варгас мысленно отгоняет муху. он думает о неграх из своей огородной команды, у них руки длинные, как ветви или провода, или как растопыренные жерди огородных пугал, которые ставят весной против птиц. варгас думает о капеллане: есть ли у корчио женщина или что-нибудь в этом роде?

9

на плоскую крышу ближнего корпуса ложится солнечный луч. поддувает с реки; ветер гонит обрывок бумаги от бетонной стены к заграждению. влажное солнце вдавлено в полость неба. илестые низины, заросшие серой травой, корявые стебли сорняков, грязь и кустарник. река течет медленно, с одышкой. приезжие оставляют машины на гостевой парковке, торопятся к билетным кассам. женщины возле киосков и стендов, сколько их тут обретается, каждая похожа на цветок, флокс или маргаритку. корпуса и задворки. человек – не просто шаги по асфальтовой дорожке в сторону арены, а мой глаз и твой глаз. глаз отражает линию горизонта. горизонт сливается с рекой. горизонт, как марлевый бинт, который забыли переменить.

фотографируются в киоске. окошко забрано решеткой, держатся за пластмассовые прутья, лнут лбами, носами, губами; позировать, тянут улыбку, когда фотограф кричит им: *изобразите-ка ртом «моцареллу»*. на снимке остаются смятые волосы и (белая-матовая-коричневая) полоска лба; родители рассматривают снимки детей и усмеваются. фотограф (вооруженное ограбление, двадцать без досрочного) вьется возле новенькой камеры, насаженной на треногу: *оу, бэйби, сегодня вы – под замком, а я – свободен*. после фотосессии парень шепчет подружке: *слушай, а ведь он совсем не похож на убийцу, – приветливый, симпатичный даже*. подружка, тоненькая, лоскутная *bitch-in-training*, не возражает, только ввертывает свое: *кто их разберет, приветливых этих*.

на середину арены выходит человек в соломенной шляпе с широкими, помятыми полями. полы белого балахона обметают песок. в руке он держит медную трубу, начищенную до блеска. он дует в трубу с такой надсадой, что замолкают все – заключенные по одну сторону решетчатых ограждений и гости по другую. ошеломленный резким трубным звуком, варгас слышит тишину, осязает ее напряженную ясность...

внезапный рождается образ. такая же тишина висит в воздухе, как зрелый плод, когда они приходят и берут тебя в кольцо угрюмой своей правоты. разговоры и ругань прекращаются. слышно, как на другом конце здания откатывается электрическая решетка. каждый обитатель корпуса досрочно поминает твою несчастную душу и ждет развязки. несколько молчаливых типов обступают тебя, ведь это *ты* – причина их блеклой пантомимы. во рту становится горько. что-то искривилось в тебе и снаружи: напортачил, наверно, сказал глупость, со всеми бывает; надо бы извиниться, но извиняться теперь поздно. тебя перестали замечать, твое присутствие истончилось. утром на площадке попросил приятеля: *постой рядом, придержи штангу, если начнет выскальзывать*. он не ответил даже, отошел в сторону, будто увидел тебя впервые. другая близится тишина, мазок безмолвия. их лица непоправимо сливаются в одно; из рукавов выныривают заточки, легкие, алюминиевые, в прошлом вилки-ложки, украденные из столовой. обступившие начинают торопливо всаживать заточки в твою шею, грудь, спину, будто спешат доесть обед, и ты думаешь: *я – дохлая муха, крылышки мои высохли, и надо закрыть глаза руками, потому что как же я без глаз появлюсь перед всеми*. ты сползаешь на пол, захлебываясь кровью. они стоят рядом и молчат, смотрят на тебя черным зрачком убийства. теперь они навсегда братья по крови и беспамятству, а ты свободен, твое тело не принадлежит тебе, и кто-нибудь говорит, наступив ботинком в темно-красную лужицу: *измарался, мать твою...* они разбегаются по камерам. заточки, брошенные в унитаз, уходят с водой, звякнув о металлические стенки.

вот о чем думает варгас, пока трубач расхаживает по арене и песок съедает его подшаркивания. он снова подносит трубу к губам, и снова вытягивает из неё громкое дыхание, которое рождается то ли в самой трубе, то ли в его туловище; потом поднимает голову, обращаясь к душному октябрьскому небу: *внимание, дамы и господа, внимание*, – произносит он с негритянским ужимистым выговором, *внимание-манее*, – *сейчас на арене появится господин кейн, начальник анголы, устроитель умопомрачительного представления*.

варгас вспоминает, что видел трубача на курсах грамотности, организованных капелланом. варгас драил линолеум, когда корчио обратился к своим питомцам, пятерым высоким неграм и одному рябому, зобастому ирландцу: *напишите что-нибудь, в прозе или стихами*. трубач спросил его:

– как это, стихами?

корчио пояснил осторожно:

– *начни с одного слова, которое лучше всего описывает твое состояние...*

– *мое что...?*

– *ну, настроение, то, как ты себя ощущаешь...*

– *херово я себя ощущаю, сэр...*

– *ну вот и напиши, что не очень...*

негр зачитал написанное:

сегодня мне совсем херово,

снился дом, жена и дочь,

потом я проснулся и понял, —

у меня нет ни жены, ни дочери, ни дома,

у меня вообще ничего нет.

– *вот видишь, ты написал стихотворение. тебе стало легче?*

– *откуда я знаю, сэр, стало или не стало?*

– *ты, главное, не останавливайся, — подбадривал корчио.*

румянец удовольствия выступил на щеках капеллана...

трубач скрывается в проеме приоткрывшейся калитки, полы балахона исчезают последними, будто он и его просторный плащ – два разных существа. там, куда он уходит, спина к спине преют лошади и отбиваются хвостами от оводов. варгас видит, как створки ворот вздрагивают, вертикальные штыри запоров не хотят вылезать из песка, два привратника-лайфера с трудом приподнимают их. ворота отворяются с тонким поскрипыванием, переходящим в писклявый напев, будто ребенок затянул свое *мерцай-мерцай-звездочка*. ворота раскрываются настежь. на арену неторопливо выезжает колесница, которую тянет пара лошадей с цветками в густых гривах, на груди у каждой болтается венок из жимолостной лозы, на пополах вышито пурпурными нитками «начальник анголы». вожжи держит вертлявый негр небольшого роста. ему хочется покуражиться, он крутит головой и кивает в сторону трибун, будто это он – начальник анголы.

бывший учитель агрономии, эдвард кейн стоит в колеснице. на его плечах – зеленый плащ тонкого бархата с логотипом тюремного цеха по производству игрушек, на голове – берет, тоже бархатный. кейн поднимает правую руку в приветствии. рост – пять футов шесть дюймов, седые волосы скользят по лбу; лоб кругленький, как хлебный катыш. лайферы рукоплещут, варгас тоже хлопает и свистит что есть силы, взвизгивает вместе со всеми: *о-го-го, кейн!!!* две лошади тянут колесницу. из репродукторов доносится: *на арене – начальник анголы господин кейн*. на арену выбегают барабанщики в разноцветных курточках, сыпется дробная трель. *леди и джентлы, перед вами – редчайшие бельгийские брабансоны. они вобрали в себя всё лучшее из арденских тяжелоупряжных. господин кейн приобрел их для анголы. один из брабансов, тот, что справа, взял первый приз на выставке в денвере, штат колорадо.*

10

солнце лезет в лицо. гости надвигают бейсболки на глаза... *здесь уже битый час, – слышит варгас, сидящий неподалеку от гостевых трибун, – непонятно, когда вообще начнут. не хотите ли кусочек, а то мне много... вот отсюда отщипните, нет-нет, давайте делиться... сколько еще придется ждать, нельзя же голодом себя... вы откуда? у меня там двоюродные, а мы – в батон руже, дом с бассейном, надувным, но это не важно. знаете, хорошо так посидеть на террасе возле воды, особенно в такую погоду, когда припекает. вам не жарко? а мне жарко. надо было взять лимонаду... нет, просто воду не пью. откуда вы узнали о родео? я тоже из газет. не думал, что такое бывает. а это что там за человечек на арене?* варгас не может разглядеть говорящего, мешает солнце. он различает лишь очерк корпулентного мужчины, который как бы завис над своей хрупкой соседкой и поэтому заслоняет ее от яркого света. когда она наклоняется вперед, варгас видит ее пышные волосы, облизанные сединой. корпулентный продолжает: *заведение, говорят, образцовое. некоторым даже убийцам, насильникам разрешают свободно перемещаться по территории... насильников я бы в реку бросал – гаторам на прокорм, а вы бы? надоело сидеть, обещали развлечь, а этот колобок еще катится по кругу, клоун, ей-богу, и руку поднял как цезарь какой-нибудь... вы остаетесь на барбекю? я остаюсь. говорят, у них здесь мясо свое, парное. ярмарка тоже. поделки хорошие и недорого, вы покупать будете? я бы купил что-нибудь жене и детям. у вас есть дети? у меня трое, младший просил-просил «возьми с собой», а куда я его возьму, тут же сплошные убийцы. он, кудрявенький, показывать будет и спрашивать: «этот почему здесь, а другой –*

почему? ну, скажи, папочка». а что я ему скажу, этот – убийца, а тот – насильник... нет, ни за что. ребенка должны окружать порядочные люди.

четыре всадника в парадной униформе несутся по арене. останавливаются, двое напротив двоих. кони и всадники вышколены, стоят как вкопанные. один держит звездно-полосатое знамя, другой – флаг конфедерации, остальные – флаги луизианы: на синем фоне белая пеликаниха сидит в гнезде с тремя птенцами; они смотрят на мать с просительным любопытством. наряженный ковбоем лайфер поднимается на деревянную тумбу в центре арены. всех просят встать. они держат руки за спиной на уровне поясицы, крестообразно, или кладут правую ладонь на грудь, возле сердца. играет тюремный оркестр. лайфер поет бархатистым, осенним баритоном: *скажи, ты видишь ли в ранних лучах рассвета...* публика подхватывает последние слова: *над землей свободных, на родине бесстрашных.* кейн обращается к зрителям. он говорит о мужестве и новой жизни. начинается представление.

на невысокой платформе – ярко-красный стол. четыре пластмассовых стула. четыре лайфера выбегают трусцой на арену, занимают места, делают вид, что играют в покер. деревянные карты в масштабе пять к одному. на головах круглые шлемы; в шлемах их головы похожи на перегоревшие лампочки. смотрят друг на друга. враждебности не испытывают. кожаные, «безопасные» жилеты напряжены, как и туловища под жилетами. по арене бежит *заводила* в замшевой курточке с бахромой на рукавах. он подкидывает ковбойскую шляпу, которая переворачивается в воздухе и возвращается к хозяину. *пригласите дилера!* – кричит *заводила*. ворота открываются. на арену влетает бык, наклонив голову, готовый к удару. песок брызжет из-под копыт. бык высматривает мишень. не найдя, на что бы истратить свой пыл, останавливается, переминается. четверо сидят неподвижно, будто под ногами у них ползет змея. бык не реагирует на сидящих. они уже не делают вид, что играют; растерянно смотрят друг на друга. бык прохаживается по арене вокруг платформы, с интересом разглядывает ее. высидеть надо три минуты, потом дадут свисток и кинут жребий. победителя наградят сотенной. тогда *заводила* бросает шляпу на стол. бык резко разворачивается и врывается в пластмассу ближнего стула. сидевший на стуле вскакивает, как ужаленный, перепрыгивает через стол, сбивает того, кто сидит напротив. оба валятся на песок, и барахтаются там, сплетаясь ногами и руками, как двое влюбленных, и один проклинает мать другого, а другой только сопит и отталкивает от себя обмякшее тело, которым придавлен. лежащий сверху оборачивается и видит над собой бычью морду. бык крутит головой в наклоне. лайфер рывком поднимается на ноги и бежит к воротам, а тот, который барахтался под ним, откатывается в сторону, и вовремя, потому что бык с места берет разгон и преследует беглеца, и легко настигает его, и вонзает левый рог в правую ягодицу несчастного. бегущий с воплем перемахивает через борт и расплывается по земле. к нему спешит тюремный фельдшер. раненый постанывает, на трибунах смеются, забыв о двух игроках, оставшихся на арене, вернее, остается только один, а другой сначала ерзает, потом не выдерживает и пускается наутек, не дождавись быка; просачивается за калитку. бык уже бежит обратно: шляпа, снова брошенная на стол, щекочет взгляд. бык вспрыгивает на платформу, и всё летит к чертям: стол, три пустых стула, победитель...

мустанг водит головой, тянется укусить кого-нибудь или ударить задними ногами. держат его крепко, в узком пространстве между решетчатыми барьерами, слева – постоянный, справа – съемный. взобраться несложно, спина – гладкая, прохладная. полы черно-белой полосатой рубашки обметывают вздрагивающий круп. варгас, как

ребенок, которого привезли на ярмарку покатать на послушной лошадке. он сидит, выпрямив спину, сжимая уздечку потными, испуганными руками, и отец улыбается ему, и тетка лусия кудахчет *загляденье, истинный кабальеро*, а ребенок ждет, когда всё закончится, и отец приподнимет его над седлом и поставит на землю, и лошадка поведет ушами и, кажется, почует унылой шеей его липкий страх.

наконец выпускают варгаса. правый барьер уходит в сторону, мустанг, подсакивая и борзея, выносятся на арену. варгас сидит, чуть наклонясь вперед, левой рукой держится за веревку, привязанную к шее мустанга. полы рубашки хлопают по бокам. он подплясывает, следуя взбрыкам дикого скакуна. ноги проскальзывают вверх, он почти зависает в воздухе, ощущает необычайную легкость, будто ветром приподняло. через мгновение он снова чувствует скользкую спину обезумевшего существа; рука еще сжимает веревку. варгас больше не номер, не статья, не литеры в приговоре, он – нечто другое; челюсть его отвисла, язык ловит пыльную охру октябрьского дня. еще мгновение, и он уже не может подладиться, уследить за подскоками мустанга; варгас – монета, которая крутится вокруг своей оси, а потом падает, но перед падением вздрогнет несколько раз, пока не затихнет. внутри выгорает всё, и сердце трепещет, летит на стрекозых крылышках отчаянья. варгас хочет настигнуть свое бесстрашие, но сбивается ритм. ритм, как рыба, пойманная и выскользнувшая из руки. варгас не может вернуть отвагу. теперь два чужих друг другу тела – мустанга и варгаса – действуют вразнобой. мустанг будто хочет взобраться на небо. рыжина гривы хлещет по щекам. варгас не видит трибун и навеса над ними, теперь он один во всем мире; нутро давит наверх – к горлу, дыхание затрудняется, тошнота подступает к сердцу. варгасу вдруг опротивело всё – он сам, стремящийся удержаться там, где можно только упасть, сломать шею, и все эти люди, глядящие на него с трибун, на его беспомощность, жующие сэндвичи, запивающие пивом жижицу лоточной пищи. в мгновенном озарении варгас сознает, что этим людям всё равно, есть ли он или нет; он сам уже не знает, есть ли. тогда он отпускает веревку и начинает неуклюжее падение, и арена принимает его своей мягкой кожурой. он падает на живот, несколько секунд лежит неподвижно, ожидая, что мустанг вобьет копыто в его спину. он готовится к боли, но мустанг летит дальше, оставив варгаса позади. на трибунах кричат: *отлично прокатился, парень*. варгас не слышит похвал. рукавом полосатой рубашки он размазывает прилипший песок по вспотевшим щекам и подбородку. репродуктор объявляют имя следующего наездника. с гостевой парковки доносится запах жареных каштанов. играет легкая музыка.

нюю-сити, 2018